

«ЛИБЕРАЛЫ» ИЛИ «РЕАЛИСТЫ»?

Дж. ГОЛДГЕЙР, М. МАКФОЛ. ЦЕЛЬ И СРЕДСТВА: ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ РОССИИ ПОСЛЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ».
М.: Международные отношения, 2009. 519 с.

Рецензируемая монография Дж. Голдгейра и М. Макфола посвящена политике США в отношении России после окончания «холодной войны». В ней рассмотрены различные позиции по этому поводу существовавшие среди американских политиков и теоретиков внешнеполитической мысли. Делается вывод о чередовании в подходах Вашингтона к Москве «либерального» и «реалистического» курсов. Сами авторы исповедуют «либеральные» взгляды.

Ключевые слова: Дж. Голдгейр, М. Макфол, аппарат СНБ, политика США, «холодная война», Россия, либералы, реалисты, демократические процессы.

Liberals or Realists?

JAMES M. GOLDGEIER, MICHAEL MCF Faul. POWER AND PURPOSE: U.S. POLICY TOWARDS RUSSIA AFTER THE COLD WAR. Washington: Brookings Institution Press, 2003. 519 p.)

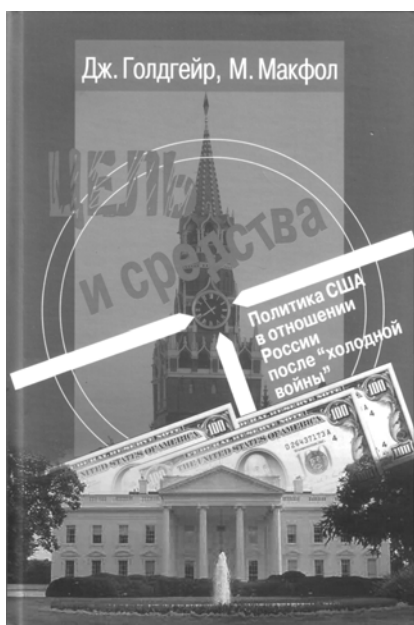
J. Goldgeyer and M. McFaul's work under review focuses on the United States' post-Cold War Russia policies. It examines different stances on this issue among American policy-makers and foreign policy theoreticians of the time. It draws a conclusion of the succession in Washington's approach between the liberal and realistic courses. The authors themselves voice liberal views.

Key words: J. Goldgeyer, M. McFaul, National Security Council staff, U.S. policies, Cold War, Russia, liberals, realists, democracy in Russia.

Хотя эта обстоятельная книга была опубликована в США ещё в 2003 г., однако её актуальность по-прежнему велика, ибо рассматриваемый в ней предмет самым непосредственным образом затрагивает и нынешние реалии американо-российских отношений. Её авторы – Джеймс Голдгейр, директор Института европейских, российских и евразийских исследований Университета Дж. Вашингтона, и Майкл Макфол, в пору написания книги – профессор Стэнфордского университета, старший научный сотрудник Фонда Карнеги и Института Гувера, затем внешнеполитический советник предвыборной команды Б. Обамы, – являются яркими и авторитетными представителями так называемой либеральной внешнеполитической школы мысли, опираясь на подходы которой они и пытаются осмыслить основные события того переломного периода, а также сделать из них некоторые выводы на будущее. К тому же, один из авторов, Майкл Макфол, с начала 2009 г. занял пост специального помощника президента США, старшего директора по России в аппарате СНБ,

став тем самым одним из ключевых участников процесса выработки практической политики Вашингтона в отношении России, что придаёт особое звучание вышедшей книге.

Авторы исповедуют парадигму, согласно которой в области внешней политики разделение в США проходит не столько между республиканцами и демократами, сколько между «реалистами» и «либералами», которые есть в обоих лагерях. Первые привержены «балансу сил» и не обращают внимания на природу режимов, с которыми имеют дело. Вторые обеспокоены характером политических систем и соблюдением прав человека. Свою схему переплетения двух подходов в стратегии США, направленной на Россию, – либерального и реалистического, Голдгейр и Макфол в полной мере попытались применить в написанном ими труде.

Центральным аргументом данной работы является то, как пишут её создатели, что «идеи действительно оказывают влияние на выработку внешней политики. Цели внешней политики определяют не государства, какие-то структуры или бюрократические образования, а персонажи. Конкретные люди с именами и лицами... Политические деятели – приверженцы конкретных идей могут повернуть политику всего правительства в определённом направлении» (с. 17). Такими «конкретными» личностями, по их мнению, были Дж. Бейкер, Э. Лейк, У. Перри и некоторые другие.

Проблема выработки новых идей, концептуализации внешней политики страны стала чрезвычайно актуальной, считают Голдгейр и Макфол, в период распада Советского Союза и смены всего миропорядка в 1989–1991 гг., когда, сами Соединённые Штаты оказались перед дилеммой: проводить и далее глобальную политику силового балансирования или же сосредоточиться на содействии бывшим противникам по «холодной войне» в развитии рыночной экономики и демократических институтов (с. 11) Выступавших за первый подход авторы называют «сторонниками баланса сил», приверженцев второго – «преобразователями режима». Выступавших за первый подход авторы называют «сторонниками баланса сил», приверженцев второго – «преобразователями режима».

В результате проведённого анализа они делают вывод, что сменявшие друг друга за этот период американские администрации так и не смогли сделать окончательный выбор между двумя этими подходами, применяя их поочередно, а то и в сложно составленных комбинациях. При этом априори тяготеющие к силовому балансированию республиканцы зачастую оказывались «либералами», стимулирующими системные перемены в постсоветском мире, а демократы вместо отстаивания высоких либеральных ценностей, что должно быть

им присуще по природе, вдруг довольствовались обеспечением заурядного баланса сил. Выделение этих двух школ мысли в чистом виде оказывается достаточно сложной задачей, и авторы постоянно делают такого рода оговорки: различия, мол, состояли главным образом в акцентах, и это оставляет простор для крайне субъективных толкований. Если, по их убеждениям, «реалистка» К. Райс усиленно напирала на тему прав человека, то она-де «отдавала дань либеральной риторике», а вот «либерал» Б. Клинтон «выхватывал» близко лежащую материальную выгоду – «поступал под давлением обстоятельств».

В целом советско/российская тематика представляется не самым удачным полем применения в других случаях, возможно, и более продуктивной методики рассмотрения внешней стратегии США через призму доминирования в ней либерализма либо реализма. Причина, видимо, в наличии на протяжении всего периода «холодной войны» двухпартийного консенсуса в отношении необходимости в первую очередь ослабления противостоящей Соединённым Штатам силы, что вытекает из самой природы стратегического соперничества. То, что не очень успешными оказались попытки наложить эту схему хотя бы на последнее двадцатилетие, очевидно, само по себе свидетельствует об известной инерционности указанного консенсуса, не позволяющего более или менее строго отделить политику одной администрации от другой по отношению к Москве.

На деле «реалисты», насколько нам известно, никогда не забывали выставлять на переговорах «правочеловеческое досье» своим визави, а «либералы», в свою очередь, проявляли изрядную скрупулёзность при подсчёте «ракет и танков». Внимание к балансу сил для любого политика является аксиомой, а не предметом выбора, и бюрократические структуры, во влияние которых авторы не очень верят, действуют по собственной устоявшейся логике, в чем, по крайней мере, один из них, Макфол, сможет легко убедиться, работая в органе исполнительной власти – аппарате СНВ. Государственным деятелям далеко не всегда удаётся в должной мере проявлять реализм, но это очень часто, скорее, зависит от их способностей и складывающихся обстоятельств, чем диктуется убеждениями. Дж. Буш-мл. и К. Райс предпринимали, например, свой «поход за демократией» на Большом Ближнем Востоке, но без особого результата, а может быть – даже с прямо противоположным. Пытаясь объяснить осуществлённый ими в этом случае переход из категории «сторонников баланса сил» в категорию «преобразователей режимов», Голдгейр и Макфол указывают на их непоследовательность, поскольку «они не проявили особого энтузиазма в использовании такой же стратегии в отношении России» (с. 25).

Не говоря уже о возможных последствиях подобного шага, если бы он был осуществлён, здесь возникает вопрос общеполитического свойства о соотношении цели и средств его достижения. К этой проблеме, вынесенной авторами в заголовок, они в том или ином виде обращаются на всём протяжении книги, словно пытаясь разрешить и для самих себя данный мучительный вопрос. Внятного ответа на него Голдгейр и Макфол тем не менее не дают. Заявляя о себе как о сторонниках гуманитарных интервенций и несиловых способов достижения демократии, они всё же оставляют достаточно оснований полагать, что легитимными на пути к этой светлой цели являются и иные, не столь

«мягкие», средства. В результате за строкой остаётся важное положение: ничто в мире за последние годы не нанесло такого ущерба идеалам демократии, как применённые для их воплощения методы. Тюрьма в Гуантанамо как образец лаборатории по «перековке взглядов», главным защитником которой выступил Р. Чейни, определяемый авторами как устойчивый «либерал», – это во имя демократии или против?

Различия в подходах во внешнеполитической линии США между партиями, фракциями в них и отдельными политиками, разумеется, существуют, но, думается, рано ещё отказываться от их более традиционного толкования, связанного с проявлениями тенденций консерватизма и либерализма, а также «изоляционизма» или «активизма». Сторонники либерализма, включая в наибольшей степени отождествляемого с ним В. Вильсона, ничуть не реже американских лидеров, классифицируемых Голдгейром и Макфолом как реалисты, вступали в войны, направленные в первую очередь на ослабление сил противника. Высокое же моральное обоснование своих действий, без каких бы то ни было исключений, использовали все президенты. А называемый авторами «одним из самых ярких поборников вильсонизма во внешней политике» (с. 15) Р. Рейган с сакраментальными «Доверяй, но проверяй!», «звёздными войнами», Гренадой, поддержкой исламских фундаменталистов – будущих талибов в Афганистане, далеко ли ушёл от самых приземлённых «реалистов»?

Есть в данном труде и другие противоречивые моменты. Например, с одной стороны, традиционное уже утверждение, что в ходе противостояния двух супердержав Советский Союз «потерпел поражение», с другой – обстоятельные доказательства того, что его крушение было неожиданным для США и они никак ему не способствовали (с. 40–41, 55, 66, 78).

Но что это за поражение, которого в «стане победителей» никто не ждал и не готовил? Их обоснование: «СССР потерпел поражение в «холодной войне», потому что коммунистическая идеология как фактор мирового развития себя исчерпала» (с. 12). Но разве она исчезла сама по себе, а не была снята с пьедестала усилиями населяющих его народов, включая, разумеется, и русский? И не вправе ли были и они в таком случае претендовать на лавры победителей в «холодной войне»? При этом, однако, в книге отмечается, что, хотя СССР и перестал существовать, «постсоветская Россия не потерпела военного поражения», не была оккупирована и поэтому не повторила демократический путь Японии и Германии. В отличие от них «Ельцин в 1991 году не мог обратиться к союзникам на Западе за помощью в подавлении своих противников. Не было у него и сил справиться с этой задачей самостоятельно» (с. 13). Тем не менее, Россия, по логике авторов, является всё-таки стороной проигравшей, избежавшей обычной участи побеждённых только благодаря удачному для неё стечению обстоятельств и «снисходительности победителей».

Ещё одна сквозная тема книги Голдгейра и Макфола – незавершённость демократической революции в России и роль США в их проведении. Они, например, указывают, что такие американские организации, как «Национальный фонд за демократию», «Национальный демократический институт», «Международный республиканский институт», а также профсоюзное объединение АФТ-КПП установили с российской оппозицией и бастующими профсоюзами

в России контакты и предоставляли им финансовую помощь задолго до коллапса Советского Союза и признания Вашингтоном новой России. Некоторые из них даже были «глубоко вовлечены в партийное строительство». При этом в большинстве случаев «эти неправительственные субъекты», оказывается, работали «под плотным контролем американского посла Мэтлока и в тесном взаимодействии с местными американскими официальными представителями» И вообще, утверждают авторы: «В тот период все названные неправительственные организации финансировались в основном из правительственных источников» (с. 43,44). Задаваясь вопросом, не упустила ли администрация Дж. Буша-старшего в 1991 г. возможность «помочь установлению демократического режима в России», авторы приходят к выводу, что тогдашний президент не являлся «тем человеком, который мог бы вмешаться в этот процесс», поскольку (по их классификации) он «был реалистом» (с. 44).

Более «преобразовательные настроения» были характерны для Б. Клинтона, но о приоритетах дальнейшего продвижения демократии в России никак не могли договориться между собой члены его ближайшего окружения (превалирующая роль личностей в выработке внешнеполитического курса – один из основных постулатов авторов). В частности, убеждённые «вильсонянцы-либералы» Э. Лейк, ратовавший за расширение НАТО, и относившейся к этому более осторожно С. Тэлбот расходились во мнении по поводу того, как данный процесс может повлиять на судьбу российских реформ (с. 400). Из-за отсутствия конкретных лиц в администрации Клинтона, утверждается в книге, отвечавших за продвижение демократии в России, «и набора вразумительных идей, как это должно делаться», приводило к тому, что «этот вопрос часто оказывался “бесхозным” Только в конце 90-х годов он стал звучать несколько более отчётливо...»(с. 402).

Что касается Дж. Буша-мл., то лишь в начальный период своего президентства, полагают авторы, он отдал дань либерализму. В качестве важной цели его политики «смена режима в России не значилась», особенно после 11 сентября 2001 г. (с. 381). Авторы осуждают его за безразличие, с которым, по их мнению, он наблюдал за наступлением на свободы в России (с. 421).

В то же время и самим авторам далеко не всегда удаётся оставаться в рамках предложенного метода и придерживаться «строго либеральных позиций». Это, например, ощущается в их итоговых рассуждениях относительно того, что «сегодня Россия намного слабее в военном и экономическом отношении, чем Советский Союз два десятилетия назад», хотя у неё ограниченные возможности для организации «антиамериканских кампаний», игнорирование России не отвечало бы интересам США. «Если бы Россия в будущем вновь заняла враждебную позицию в отношении Запада, то благодаря своим ресурсам, географическому положению, военным технологиям и огромному арсеналу ядерного оружия она смогла бы создать угрозу всеобщему миру и интересам безопасности США. Россия не сможет вторгнуться в Европу, но враждебная Россия может сильно осложнить жизнь творцам американской внешней политики» (с. 433), – заключают авторы. Из этого они, совсем в духе «реалполитик», делают вывод о том, что «гораздо лучше, чтобы Россия работала вместе